

ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ИВАНЦОВ-ПЛАТОНОВ И ИСТОРИКИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА¹

Вопрос о профессиональном единстве сообщества «светских» и церковных историков в дореволюционную эпоху в последнее время вызывает повышенный интерес у историков и богословов. Свидетельствуя о том, что общий взгляд на программу церковно-исторических исследований в этот период не сложился, специалисты пытаются найти факты как показывающие недопонимание между представителями исторической науки в университетах и духовных академиях, так и указывающие на сближение между учеными. Предлагаемая публикация дает возможность представить положение кафедры истории Церкви в Московском университете в конце 1894 г., когда ее профессор, доктор богословия протоиерей Александр Михайлович Иванцов-Платонов, решил передать свою должность светскому историку — доктору всеобщей истории, экстраординарному профессору кафедры всеобщей истории Михаилу Сергеевичу Корелину. Для Иванцова-Платонова это было продуманное решение. Профессор хотел привлечь студенческое внимание и общественный интерес к проблемам истории Церкви. При отсутствии для реализации проекта явного кандидата из духовных академий Иванцов-Платонов хотел видеть на своей кафедре светского историка, затрагивавшего в своей научно-педагогической деятельности вопросы, тесно связанные с историей Церкви. Это был рискованный вариант, поскольку профессура университета рассматривала предложения Иванцова-Платонова утилитарно, прежде всего с точки зрения учебного плана историко-филологического факультета. С таким проектом не согласилось и Министерство народного просвещения, что привело к маргинализации кафедры истории Церкви на историко-филологическом факультете Московского университета в начале XX в.

13 ноября 1894 г. в Москве умер протоиерей, доктор богословия, учитель Закона Божия в нескольких учебных заведениях города, профессор кафедры истории Церкви Московского университета Александр Михайлович Иванцов-Платонов. Ректор Московского университета П. А. Некрасов поручил экстраординарному профессору кафедры всеобщей истории Михаилу Сергеевичу Корелину написать некролог о почившем ученом.

¹ Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ 14-01-00374.

Это поручение стало логичным следствием событий последних двух месяцев. Тяжело больной Александр Михайлович, наверное, понимал, что его время близко. 4 сентября он письмом известил Корелина о желании видеть того у себя, а 5 сентября при встрече предложил молодому университетскому коллеге взять на себя обязанность преподавания церковной истории в университете. 21 сентября Иванцов-Платонов сделал официальное заявление в Совете университета о том, что он прекращает преподавание и хотел бы видеть своим преемником в качестве преподавателя истории Церкви Корелина².

Таким образом, поручая составление некролога Корелину, ректор подчеркивал, что именно этот преподаватель рассматривается университетской администрацией и профессорской коллегией как будущий профессор по кафедре церковной истории³. Дело в том, что по университетской традиции сохранение памяти о предшественнике всегда было прерогативой ближайшего ученика и последователя, наследовавшего кафедру.

Михаил Сергеевич начал собирать материалы об Александре Михайловиче⁴. Надо сказать, что предложение Иванцова-Платонова было для Корелина неожиданным и заманчивым⁵.

Личные отношения Иванцова-Платонова и Корелина ограничивались давним знакомством учителя и ученика. В 1883 г., сдавая магистерский экзамен по русской истории, Корелин столкнулся с Иванцовым как экзаменатором: «6 апреля сдал экзамен по русской истории; каков вышел ответ, Вы можете узнать, — писал он учителю В. И. Герье, — из других источников, а вот факты: в протоколах написано весьма удовлетворительно, и Попов говорил много комплиментов и выразил желание, чтобы так же удачно прошли экзамены и по другим предметам. Я лично недоволен: источников не читал, поэтому отличие магистерского ответа от кандидатского заключалось только в том, что первый построен не по лекциям, а по различным пособиям, которые тут же были названы и характеризованы. Перед экзаменационным столом пришлось прочитать лекцию и не особенно стройную: вопрос был о ересьях, и у меня была приготовлена характеристика Иосифа Волоцкого, российского поборника испанской инквизиции. Когда я увидел, что ассистирует Иванцов, и припомнил, что Иосиф — святой нашей Церкви, то чувство некоторой неловкости заставило выпустить из ответа эту часть. В остальном все было ровно и гладко; не чувствовалось даже конфуз-

² Дневник М. С. Корелина // ЦГА г. Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 41–41 об.

³ 5 октября за кандидатуру Корелина высказался историко-филологический факультет: «В факультете самый важный вопрос о замещении кафедры церковной истории. Кандидатуру заявляет Амфиан Лебедев; против моей кандидатуры на временное преподавание — декан, который убеждал Шварца не защищать моей кандидатуры. 5-го первый бой в факультете из-за этого вопроса, 26-го большинством 9 против 5 решено было ходатайствовать за мою кандидатуру» (Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 42 об.)

⁴ Корелин М. С. Протоиерей Александр Михайлович Иванцов-Платонов // Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1894 год. М., 1895. С. 293–316.

⁵ «Сильно возбудил нервы вопрос о церковной истории; одно время мучило отсутствие успокоения и страшное утомление» // Дневник М. С. Корелина (ЦГА г. Москвы. ЦХД до 1917 г. Ф. 2202. Л. 41 об.)

ливости, потому что члены факультета отнеслись ко мне тепло и радушно, как к старому знакомому»⁶. Учитель и ученик, возможно, встречались на заседаниях Психологического общества при Московском университете. Иванцов-Платонов похвалил курсы Корелина, посвященные «падению античного мирозерцания» (тема, близкая научным изысканиям самого Иванцова) и средневековому папству⁷. Этим контакты двух ученых и ограничивались.

Но почему же, размышляя о преемнике, Иванцов-Платонов остановился именно на Корелине? Думается, что ответ на этот вопрос Михаил Сергеевич нашел, изучая биографию предшественника.

На кафедре церковной истории Московского университета Иванцов-Платонов оказался в 1872 г. (избран 11 марта). Это было не случайно. По большому счету, именно Иванцов-Платонов, последний из студентов Московской духовной академии, получавший стипендию московского митрополита Платона и новое окончание своей фамилии, стоял у истоков создания трех богословских кафедр в императорских университетах, появившихся по уставу 1863 г. В 1862 г. тогда еще бакалавр (равносильно должности доцента) кафедры новой церковной истории Санкт-Петербургской Духовной академии опубликовал статью «О преподавании богословских наук в наших университетах»⁸, явно учтенную при составлении окончательной редакции университетского устава 1863 г.⁹ Вместо одной внефакультетской кафедры богословия в русских университетах появились сразу три: богословия (внефакультетская), церковного права (на юридическом факультете, с правом присуждения степени в университетах) и истории Церкви (на историко-филологическом, без права присуждения степени в университете). В статье Иванцов-Платонов подчеркивал, что утилитарное существование одной церковной кафедры в университете, когда ее главное назначение — усиление дисциплины в среде балагуриющих студентов, а также быстрое знакомство с основами догматического богословия, апологетикой, древней и русской историей Церкви с обращением к каноническому праву, — все это ведет к обесцениванию богословской науки в глазах общества и студентов университета: «Мы не принадлежим к числу тех людей, которые в видах обеспечения общественного спокойствия и порядка хотели бы наложить внешний благочестиво-нравственный колорит на науку, на искусство и все другие проявления общественной жизни. Мы не думаем и того, чтобы можно было улучшить общественную нравственность, усилить религиозно-нравственное направление в обществе только ведением как можно большего числа представителей внешнего благочестия в наши учебные заведения. Мы убеждены, что учебные заведения, и преимущественно высшие, только тогда будут достигать своей настоящей цели, когда в них будут иметь в виду прежде всего главным образом науку; а наука, в свою очередь, только тогда может приносить добрые плоды для общественной жизни, когда

⁶ Письмо М. С. Корелина к В. И. Герье от 16 апреля 1883 года // Цыганков Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 242.

⁷ См. соответствующие ссылки в комментариях к письмам.

⁸ [Иванцов-Платонов А. М.] О преподавании богословских наук в русских университетах // Православное обозрение. 1862. Т. 8. № 5. С. 33–63.

⁹ Одна из последних работ на эту тему: Стаферова Е. Л. А. В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.). М., 2007. С. 98–211.

преподавание ее в своем духе и направлении определяется живым сознанием ее собственных прав и самостоятельности, а не сторонними какими-либо практическими целями и соображениями»¹⁰.

Вопрос, над которым думал Александр Михайлович, заключался в том, как посеять интерес русских студентов и общества к богословской науке, находящейся вне поля их зрения. Инструментом для решения этой проблемы становился поиск ученых, способных это сделать. Иванцов-Платонов не очень верил в наличные ученые силы духовных академий рубежа 1850–1860-х гг. Он считал, что у бакалавров духовных академий (к таковым он относил близких себе ученых) не было нужной подготовки для того, чтобы успешно на современном уровне заниматься изучением истории Церкви, в то время как у богословов «старой школы» — профессоров — отсутствовали нужные «свойства» для реализации такого призвания. Выход Иванцов-Платонов видел в том, чтобы выпускников духовных академий отправлять в научные стажировки в Европу, преимущественно в немецкие университеты¹¹.

Ученая карьера Иванцова-Платонова в Санкт-Петербургской духовной академии не сложилась. Видя, что ему не хватает знаний для преподавания, Александр Михайлович уволился из академии, вернулся в Москву, где митрополитом Филаретом был рукоположен сначала в диаконы, потом в священники. Новым местом службы Александра Михайловича стало Александровское военное училище, где он был законоучителем. Позже он был приглашен преподавать Закон Божий также и в гимназию Л. И. Поливанова.

В Москве Иванцов-Платонов продолжил активно сотрудничать с журналом «Православное образование», обращая пристальное внимание на вопросы благотворительности, христианской взаимопомощи, христианского просвещения в широком смысле слова.

В журнале Александр Михайлович проявил себя знатоком истории Церкви, публикуя большое количество рецензий, посвященных современной литературе по этой проблематике¹². Возможно, именно благодаря этим работам, а также по ходатайству соредатора и профессора кафедры богословия Московского университета Н. А. Сергиевского и по предложению Н. А. Попова, зятя С. М. Соловьева, Иванцов-Платонов в 1872 г. был приглашен на кафедру истории Церкви Московского университета.

Состояние дел на кафедре было тяжелым. Во-первых, до начала 1870-х гг. на эту кафедру не могли найти специалиста. Сначала выясняли, какому ведомству — Министерству народного просвещения или Святейшему Синоду — надлежит подыскивать кандидатов для замещения вакантной кафедры и какими

¹⁰ [Иванцов-Платонов А. М.] О преподавании богословских наук в русских университетах. С. 34–35.

¹¹ Там же. С. 50. О реальном опыте стажировки богословов в 1860-е гг. см.: Сухова Н. Ю. Научные командировки российских богословов за границу и их значение для российского духовного образования и богословской науки (вторая половина XIX — начало XX в.) // Сухова Н. Ю. Вертоград наук духовный. М., 2007. С. 183–184.

¹² Русская церковно-историческая литература // ПО. 1869. Т. 2. № 8. С. 172–188; Взгляд на прошедшее и надежды на будущее (От редакции к читателям и сотрудникам) // ПО. 1870. Т. 1. № 1. С. 1–31; № 2. С. 195–243

компетенциями он должен обладать. Во-вторых, нерешенным оставался вопрос, каким образом готовить будущих профессоров на кафедре при наличии вакантных мест.

Историко-филологические факультеты университетов не могли давать магистерские и докторские степени по церковной истории, что было прерогативой духовных академий. При этом университетские корпорации не желали видеть в рядах ученых университета представителей духовных академий¹³. Профессорам-историкам казалось, что вопросам истории Церкви уделяется достаточное внимание в различных курсах всеобщей и русской истории¹⁴.

В результате представители духовных академий не спешили занимать кафедры, зная о сложностях во взаимоотношениях с коллегами и студентами. Кроме того, до появления устава 1869 г. специалистов именно с серьезной церковно-исторической подготовкой академии предложить не могли, что и объясняло вакантность кафедр.

У Иванцова-Платонова было свое видение проблемы замещения кафедры истории Церкви в университете. Профессор ратовал за то, чтобы в светских университетах стали бы возможными защиты диссертаций по истории Церкви. Подготовку кандидатов для занятий кафедры он предлагал вести совместными усилиями университетского профессора кафедры церковной истории и профессоров Духовных академий, в которой будущий университетский профессор должен был в обязательном порядке прослушать определенный набор курсов. При этом формирование исследовательских навыков будущего ученого Иванцов-Платонов считал нужным отнестись на время заграничной стажировки¹⁵.

Казалось бы, столь упорное требование подготовки историка Церкви в европейских, преимущественно немецких, протестантских университетах выдавало в Иванцове-Платонове западника, о чем сверх того могли свидетельствовать хорошие рекомендации С. М. Соловьева в Московском университете. Однако такой взгляд неверен. Иванцов-Платонов действовал в парадигме славянофильской мысли. «Его соединяла со славянофилами вера в живые силы православия,

¹³ Подробнее см.: *Герасимов Олег, диак.* История Церкви в системе научных дисциплин в российских университетах XIX в. // XVIII Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2008. Т. 1. С. 353–358.

¹⁴ Там же. С. 355. Со временем административные разъяснения о способе замещения кафедры истории Церкви последовали от министра Д. А. Толстого, бывшего одновременно и обер-прокурором Св. Синода. «Для занятия кафедры Церковной Истории прежде всего необходимо высшее богословское образование». Претендент должен «правильно излагать перемены в судьбах Церкви, возникавшие в свете ее учения, принятие одних и отвержение других», что «возможно только при значительном запасе сведений из курса богословских наук и привычке обращаться мыслию в этом кругу». Рекомендации были усилены требованием назначать на вакантные кафедры преимущественно выпускников «церковно-исторического отделения» академий // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6998. Цит. по: *Олег Герасимов, диак.* Указ. соч. С. 356.

¹⁵ Мнение о замещении кафедр церковной истории в университетах // Православное обозрение. 1874. Т. 1. № 2. С. 100–104. По большому счету, эта статья была модификацией воззрений Александра Михайловича более ранней эпохи: О соединении духовных академий с университетами // Православное обозрение. 1871. Т. 1. № 1. С. 82–109.

вера в единство высших нравственных сил человека»¹⁶. Он, как и славянофилы, ратовал за синтез науки и богословской мысли, сотрудничал с аксаковским «Днем», затем «Русью», начал публиковать богословские произведения А. С. Хомякова, которые стали одним из первых русских неклиерикальных опытов богословского творчества¹⁷. Иванцов-Платонов положительно оценивал тягу русского общества к осмыслению вопросов веры, противопоставлял славянофилов апатичному и утратившему корни русскому дворянству, а также интеллигенции. Однако при этом он считал необходимым для русской богословской мысли пройти строгую научную школу, в которой историческая подготовка должна играть самую существенную роль.

Иванцов-Платонов полагал, что лучшая апология христианства — истинное изложение истории Церкви. Именно эти идеи Иванцов-Платонов хотел провести через свои университетские лекции, показав, что это направление еще не имеет устойчивой традиции в русских университетах.

Антиисторичность богословской мысли Иванцов связывал с наследием эпохи Вселенских споров, эпохой выработки догматов Церкви, когда преобладало потребительское отношение к древним памятникам христианской письменности, иногда их открытая фальсификация или замалчивание¹⁸. Продолжением этого же подхода стала схоластика — школьное богословие. Лишь изредка на горизонте Церкви появлялись церковные историки, каким, например, был константинопольский патриарх Фотий¹⁹, чрезвычайно много сделавший для проникновения в суть истории Церкви. Определенное значение для становления современной церковно-исторической науки имел критический метод, на фундаменте которого выросла современная церковно-историческая наука в Европе.

Главный вопрос, которым задавался Иванцов-Платонов, что может дать русская православная историческая наука для изучения истории Церкви? Сам он считал, что позднее вхождение русских ученых в научный мир Европы дает определенные преимущества. История Церкви связана с богословскими догматами и философскими предпочтениями, нравственным выбором историка, следовательно, она может формировать и искаженную картину церковного прошлого. Как следствие, сложившуюся схему церковной истории не надо в готовом виде искать в современной европейской церковно-исторической науке. На долю «православного» историка, таким образом, выпадала задача синтеза церковной истории на основе критического подхода ко всем традициям, навязывавшим истории Церкви посторонние идеи.

¹⁶ Трубецкой С. Н. Научная деятельность А. М. Иванцова-Платонова // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 2 (27). С. 193–220.

¹⁷ Однако при этом Иванцов-Платонов неизменно подчеркивал важность свободы совести и свободы исследования, фактически выступал против исторической обоснованности богословского тезиса Хомякова «Церковь одна», понимая важность обсуждения этого тезиса, но научную трудность вопроса.

¹⁸ См.: Иванцов-Платонов А. М. Ереси и расколы первых веков христианства. М., 1877. Ч. 1: Обзорение источников для истории древнейших сект. О докторском диспуте Иванцова-Платонова см.: Православное обозрение. 1877. Т. 3. № 12. С. 790–814.

¹⁹ Иванцов-Платонов А. М. К исследованию о Фотии, патриархе Константинопольском. СПб., 1892.

Реализуя эту идею, Иванцов-Платонов сосредоточился на критике, проверке субъективных гипотез церковных историков современности. «Он осознал, что и в европейской науке эта критика, этот научный анализ, казавшийся столь отрицательным, нередко служил охранению и восстановлению исторической правды, нарушенной произвольными построениями»²⁰. Главным объектом критики профессора была тюбингенская школа историков Церкви²¹, которая представляла древние ереси и расколы как диалектическое развитие философских идей в ходе спора различных богословских школ. Фактически тюбингенцы не связывали историю Церкви с актом Боговоплощения. Кроме того, не исследовали зависимость тех или иных ересей от этнических, социальных, культурных особенностей различных раннехристианских общин. Иванцов же настаивал, что «Христианство не есть богословская школа, и развитие его нельзя рассматривать как развитие какой-либо богословской идеи, развитие учения по преимуществу, опуская из внимания и отодвигая на второй план организацию и культ»²². Исходя из этих же идей, историк критиковал и своего главного отечественного оппонента — А. П. Лебедева²³, указывая, что противостояние александрийской и антиохийской богословских школ не исчерпывает всей сложности церковных дискуссий IV и V вв., и к этому вопросу надо подходить реально-исторически.

Иванцов-Платонов считал, что, отказавшись от предвзятых идей, русский историк по-новому и творчески сможет подойти к изучению ранней христианской литературы и истории ранних христианских общин. В принципе, сам Иванцов сделал это в своей докторской диссертации, дав анализ ересеологической литературы, проанализировав в своей работе в том числе и недавно открытый наукой труд Ипполита Римского «Философумены». Эту же линию в «Православном обозрении» продолжил друг и коллега Александра Михайловича — протоиерей Петр Алексеевич Преображенский²⁴. В приложении к журналу «Православное обозрение» он впервые опубликовал без купюр источники по истории раннего христианства со своими комментариями²⁵.

Формирование устойчивого интереса к истории Церкви у студентов университета Иванцов считал главной задачей профессора кафедры церковной истории. Вероятно, ему было понятно, что светским профессорам проще находить контакт со студентами университета и двигаться в фарватере последних (актуальных) научных тенденций. Кроме того, Иванцову, который участвовал в собраниях Психологического общества при Московском университете, очень хотелось, чтобы представители интеллигенции обращались к вопросам истории Церкви. Скажем, доклад В. С. Соловьева «О причинах упадка средневеко-

²⁰ Трубецкой. Указ. соч. С. 205.

²¹ См.: Иванцов-Платонов А. М. Церковная историография: Лекции. М., 1888.

²² Трубецкой. Указ. соч. С. 210.

²³ Иванцов-Платонов А. М. Религиозные движения на христианском Востоке в IV и V вв. М., 1881.

²⁴ Апологетическая деятельность древней церкви и ее значение для настоящего времени // Православное обозрение. 1866 № 11, 12; Апокрифические сказания о жизни Господа Иисуса Христа и Его пречистой Матери // Православное обозрение. 1860. № 1, 3 и др.

²⁵ Сочинения древних христианских апологетов. Т. 1–8. М., 1864–67.

вого мирозерцания»²⁶, сделанный в Психологическом обществе в 1891 г., надолго определил повестку дня по проблемам истории Церкви в среде, близкой к университету, вызвав резко негативную реакцию представителей духовных академий²⁷. Критически отозвались прежде всего профессора А. П. Лебедев и А. С. Павлов, бывшие недовольными и докторской диссертацией Иванцова-Платонова.

Нельзя не учитывать и личную мотивацию Иванцова-Платонова при назначении своим преемником М. С. Корелина. Он хорошо понимал, что главным претендентом на кафедру церковной истории в Московском университете, если на ней не окажется близкий к университетской корпорации человек, станет представитель профессорской корпорации Московской духовной академии, где церковно-историческую кафедру возглавлял А. П. Лебедев.

Предложение Иванцова-Платонова для профессуры кафедры всеобщей истории Московского университета было очень заманчивым. Во-первых, у историков появилась бы новая кафедра, профессор которой читал бы специализирующие курсы для студентов исторического отделения, чего требовала программа развития исторического отделения историко-филологического факультета²⁸. Во-вторых, поскольку на кафедре истории Церкви оказался бы ближайший ученик главы московских историков В. И. Герье — М. С. Корелин, то речь могла идти о концентрации вопросов по истории Церкви, ранее включенных в различные курсы, преподаваемые на кафедре, в рамках специального церковно-исторического курса. При этом сохранился бы план подготовки студентов исторического отделения. В-третьих, это подняло бы престиж Корелина в университете, принеся ему ординарную профессуру.

²⁶ Соловьев В. С. Об упадке средневекового мирозерцания // Соловьев В. С. Избранное. М., 1990.

²⁷ А. М. Иванцова-Платонова с В. С. Соловьевым связывало длительное знакомство. В 1870-е гг. профессор Московского университета был одним из посредников при публикации первых произведений Соловьева с богословской тематикой в газете И. С. Аксакова «Русь», что создало трудности в их общении. В дальнейшем Соловьев также следил за публикациями Иванцова-Платонова по общественно-церковной проблематике. В научной литературе утвердилась точка зрения, восходящая к воспоминаниям Ельцовой (Ельцова К. Сны нездешние (к 25-летию кончины В. С. Соловьева) // Современные записки. 1926. Кн. 28), что во второй половине 1890-х гг. Иванцов-Платонов исповедовал В. С. Соловьева во время болезни, но не причастил, поскольку выяснилось, что тот к моменту исповеди явно сочувствовал какой-то другой христианской конфессии. В 1900 г. Соловьев покаялся и признал правоту Иванцова-Платонова. Безусловно, такая исповедь не могла состояться в указанные сроки, поскольку к этому времени Иванцов-Платонов умер. Но показателен идеологический подтекст описанной ситуации. Соловьев пытается исповедоваться у священника «широких взглядов», сочувствующего ищущим интеллектуалам. Судя по всему, именно на такую паству и была рассчитана университетская деятельность Иванцова-Платонова. Вполне возможно, что такая исповедь Соловьева могла состояться ранее. Интересно отметить, что противники Иванцова-Платонова подозревали московского протоиерея в «толстовстве» из-за того, что русский писатель давал Александру Михайловичу читать свои богословские трактаты до публикации.

²⁸ Ср.: Чесноков В. И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 113–137.

Впрочем, это был бы слишком смелый эксперимент. Кафедра для Корелина, безусловно, продолжала бы оставаться «пересадочной», он ждал вакансии на кафедре всеобщей истории, поскольку на кафедре истории Церкви профессора классических университетов не могли готовить кандидатов для замещения профессорских должностей и, следовательно, иметь учеников, что было очень важно для последователей круга Герье.

Кроме того, не очень понятно, насколько внутренний мир Корелина подходил для подобного профессорского служения. Как у представителя демократической интеллигенции 1870-х гг., у него было очень критическое отношение к церковной повседневности, прежде всего к духовному сословию как определенной социальной группе русского общества, унаследовавшей многие дореформенные черты²⁹. При серьезных контактах с представителями ученого мира из среды духовенства у Корелина вызывали резкое неприятие как архиереи Российской Православной Церкви, так и церковный народ, веру которого он считал чем-то культурно устаревшим. Отдавая должное Церкви как культурной силе эпохи Средневековья, сформировавшей новую нравственность, создававшей систему образования в Европе, Корелин в целом смотрел на нее как на социальный институт старого порядка. Допуская наличие в Церкви «прогрессивных» деятелей в современную эпоху, он полагал, что она сдерживает формирование индивидуальности человека, то есть противостоит одной из господствующих тенденций нового времени.

Подобные взгляды Корелина не были тайной для знакомых с его трудами. Поэтому решение Иванцова-Платонова видеть его своим преемником мгновенно вызвало сопротивление. В церковной печати появились слухи об атеизме Корелина, что сыграло существенную роль при решении вопроса о его возможном назначении в Министерстве народного просвещения в начале 1895 г.

В итоге на место Иванцова-Платонова был назначен профессор Московской духовной академии А. П. Лебедев. Для последнего должность была sinecурой. Он радовался тому, что подготовка кратких исторических курсов в Московском университете не будет занимать у него слишком много времени, и он сможет сосредоточиться на решении дел, связанных с публикацией своих трудов. Вопросы значения кафедры истории Церкви в просвещении студенчества Московского университета и формирования программы подготовки студента-историка его не занимали, собственных инициатив у него не было.

В результате был сделан очередной шаг к тому, чтобы курсы церковно-исторического содержания утратили важное значение в программах подготовки историков в Московском университете, что привело к их сокращению в учебной программе историков. Соответствующее предложение сделает декан историко-филологического факультета М. К. Любавский³⁰, очень консервативный

---

²⁹ Впрочем, это была устойчивая традиция историков Московского университета. Даже выходцы из духовного сословия — П. Н. Кудрявцев и С. М. Соловьев — подвергли жесточайшей критике среду, из которой они происходили. Иванцов-Платонов также ратовал за внесословность русского духовенства.

³⁰ *Ермолаев Е. Н.* Ректор Московского университета М. К. Любавский // Академик М. К. Любавский и Московский университет. М., 1995. С. 177–180.

православный человек, выходец из духовного сословия. И это было в духе нового периода в российской истории — периода своеобразной «передышки» между двумя революциями.

*Вступительная статья, комментарии Д. А. Цыганков,
при участии Н. И. Ильяшенко*

Ключевые слова: кафедра истории Церкви Московского университета, учебный план, деклерикализация, В. И. Герье, М. С. Корелин, А. М. Иванцов-Платонов, А. П. Лебедев.

PRIEST ALEXANDER IVANTSOV-PLATONOV AND HISTORIANS OF MOSCOW UNIVERSITY

The question of the unified field of Church history studies in Russia's pre-revolutionary era recently became under hot discussion among historians and theologians. Suggesting that the approved program of Church-historical research in this period has not been formed, experts are trying to find the cause of this discrepancy between representatives of secular and ecclesiastical approach and facts about cooperation between them. The proposed publication shows the position of the Department of Church history at Moscow University at the end of 1894, when doctor of theology priest Alexander Ivantsov-Platonov decided to communicate his position to the secular historian and doctor of the universal history Mikhail Sergeevich Corelin. For Ivantsov-Platonov it was a thought-out position. The Professor wanted to attract student attention and public interest to the problem of Church history. In this regard, in the absence of the nominee to vacancy from Theological Academy, Ivantsov-Platonov wanted to see on his chair secular historian, has already attracted the attention of students studying questions closely connected with the history of the Church. It was a risky option, because secular professors of the University were considered such an option primarily from the practical point of view, especially from the point of view of the curriculum of the faculty. Above all this project was not agreed by The Ministry of national education. This led to the failure of Ivantsov-Platonov project and final marginalization of the Department of Church history at the historical-philological faculty of Moscow University in the early 20th century.

Keywords: Department of Church history at Moscow University, the curriculum, secularization, V. I. Guerier, M. S. Korelin, A. M. Ivantsov-Platonov, A. P. Lebedev.